

Танкер «Дербент» : Стахановский рейс -2

Category: Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Танкер "Дербент": Стахановский рейс -2 2.

Во время обеда вахтенный матрос Карпушин появился в дверях столовой.

— «Агамали» идет, — возвестил он взволнованно, — эх и красиво идет, товарищи!

Несколько человек побросали ложки и вилки. Другие заторопились, обжигаясь горячим борщом.

На проходном мостике и на спардеке «Дербента» собралась вся свободная от вахты команда. Оттого, что суда шли навстречу друг другу и расстояние между ними быстро таяло, казалось, что «Агамали» движется со скоростью канонерской лодки.

Штурман Алявдин присоединился к матросам, наблюдавшим с мостика за приближением теплохода. Он старался придать себе небрежный, скучающий вид, но глаза его беспокойно блеснули.

— Вы бы связались с ними, Володя, — сказал он радисту, — интересно узнать, какая у них скорость.

— Удобно ли? — усомнился Володя.

— Отчего же нет, ведь мы соревнуемся с ними.

Суда поравнялись, и наблюдающим с мостика открылась палуба «Агамали» и спардек, вдоль перил которого неподвижно стояла люди. Неожиданно флаг на корме теплохода дрогнул и скользнул вниз по флагштоку. Толпа на мостике одобрительно загудела.

— Ишь, приспустили, — торжествовал Карпушин, — за людей нас считать стали! Надо ответить.

От посмотрел на Алявдина, и тот кивнул, Карпушин побежал на корму. С теплохода замахали фуражками, он уже удалялся, заволакиваясь серым дымом. Володя вышел из рубки и подошел к Алявдину.

— Двенадцать узлов, — сказал он разочарованно, — это их прежняя скорость под грузом. Я думал, они достигли чего-нибудь

за это время. Оказывается, они успокоились!

– Вчера мы делали двенадцать с половиной, – заметил Алявдин озабоченно, – теперь же порожнем, мы идем со скоростью тринадцати узлов. Честное слово, похоже, что мы поведем навигацию!

– Еще неизвестно. Нужно использовать скрытые возможности.

– Какие возможности?

Володя снисходительно поиграл пояском.

– Не были на политзанятиях? Жаль! Мы говорили о стахановцах. Скрытые возможности – это то, что может дать механизм, если он попадет в умелые руки. Возьмем, к примеру, двигатели «Дербента». После выпуска с завода они давали сто оборотов и цилиндры были загружены неравномерно. После регулировки силами команды они дают сто двенадцать оборотов, и теперь только пятый цилиндр слева немного не догружен. Басов говорит, что двигатель еще не использован до конца и мощность его можно повысить. Это и есть скрытая возможность. Басов говорит...

– Не трещите так! Послушайте, Володя...

– Ну?

– Я сам кое-что читал о Стаханове, и мне бы хотелось поговорить с Александром Ивановичем об одном деле.

– Так что ж! Взяли бы да поговорили.

– Он не сердится на меня за то, что я возражал против двадцати пяти тысяч сверх плана? Как вы думаете?

– Пустяки. Он не гордый.

– Послушайте, Володя, – штурман заметно волновался, но из всех сил старался держаться небрежно, – вот вы там что-то делаете, стараетесь наладить дело и кое-чего вы уже добились. Но в навигации вы ничего не смыслите, а в самом кораблевождении тоже есть скрытые возможности. В частности, у меня явилась неплохая идея... Дело в том, – продолжал Алявдин, – что на пути к Астраханскому рейду мы минуем остров Жилой, оставляя его слева. При этом мы даем большого крюку, потому что прямая трасса лежит по ту сторону острова. Но там мелко, и при осадке в двадцать футов никак не пройти. Однако, когда мы идем обратно без груза, осадка у нас всего шесть футов, если погода тихая и в трюмах нет балласта. И все-таки мы идем по

внешней стороне и делаем крюк, теряем на этом минут сорок, не меньше.

– А какая глубина в проливе?

– Семь футов минимум. Вполне можно пройти, если идти порожнем и без балласта. Экономия во времени – сорок минут. Вот вам скрытая возможность, – закончил штурман торжествующе.

– Почему же никто там не ходит? – удивился Володя. – Ведь это так просто.

– Уж не знаю почему... Боятся. Я хочу поговорить с Басовым, и, если он согласится, мы сумеем уговорить капитана.

Алявдин угостил Володю папиросой и побежал изучать карту. Володе предложение нравилось, хотя он и старался казаться равнодушным. Он был озадачен и даже досадовал немного. Было бы понятней, если бы предложение исходило от Басова, от помполита или от кого-нибудь из мотористов. Володя недолюбливал Алявдина, и все, что он знал о нем, казалось враждебным тому коллективу, который сколотился благодаря соревнованию. Алявдин держался особняком и был как-то пошло развязен. Но сэкономить почти час времени простым изменением трассы! Володе не терпелось сообщить об этом комсомольцам.

Вечером команда слушала в красном уголке радио. Там был Котельников, были и Проценко и Гусейн. Они выслушали Володю без всякого оживления, – видимо, они разделяли его инстинктивную неприязнь ко второму помощнику.

– Когда мы начинали, он руки в карманах держал, – сказал Гусейн раздраженно, – а теперь, когда без него пошло, лезет в драку засучив рукава. Ему только бы фасон давить, а для нас это дело чести. Ну его к черту!

– Однако предложение дельное, – заметил Котельников вяло.

– Ну и пусть дельное, без него додумались бы...

– Вин на патефоне грае, це его дило, – усмехнулся Проценко, – а у нас робыть треба. Ну его к бису!

Басов вошел и подсел к компании. Перед тем он, одолев бессонницу, поспал несколько часов и был не то чтобы весел, но как-то особенно ровно спокоен, прислушивался к далекой музыке, звучащей из радиорупора, и, стараясь уловить мотив, подсвистывал.

– Эх, Володя, радист ты мой великолепный! Гармони нет у нас, игрануть бы.

Володя в ответ на шутку улыбнулся, но тут же таинственно забубнил, снизив голос, стал рассказывать о предложении Алявдина. Комсомольцы поглядывали на механика, который с удовольствием затягивался папиросой и легко, без напряжения, слушал.

– Алявдин предлагает идти проливом? – сказал он наконец. – Это что-то сомнительное. Мне кажется, там не будет восьми футов.

– Я же говорю, что это чушь какая-то, – облегченно подхватил Володя. Ему было приятно, что теперь все объяснилось и предложение Алявдина, которого он считал враждебным судовому коллективу, оказалось неудачной выдумкой. – Просто он трепло!

– Хотел порисоваться, да не вышло, – заметил Гусейн. – Послать бы его подальше...

– Кого это? – спросил Басов.

– Штурмана. Пускай не лезет!

– Вы с ума сошли! – удивился Басов. – Человек дело предлагает, а вы рычите! Обязательно надо обсудить.

Комсомольцы молчали. Володя завертелся на месте, растерянно оглядываясь.

– Да ведь ты же сам сказал.

– Просто я не знаком с навигацией. Алявдин – штурман, ему виднее. Посоветуемся с капитаном, рассмотрим трассу, подумаем. Да что вам так не понравилось, я в толк не возьму? – Он посмотрел кругом с прежним добродушием, но увидел недовольные лица и вдруг как бы осекся, перестал улыбаться, и глаза его затвердели.

– У тебя чутья нету, – пробормотал Гусейн сердито. – Не видишь разве, что это за птица? Он посмеивался над нами, когда мы брались за дело, говорил, что двадцать пять тысяч сверх плана – это бред. А теперь он собирается нашуметь и выскочить вперед своей фигурой. Мелкий он тип, по-моему...

– Э-э, все это какие-то дразги, – морщась, сказал Басов. – Здесь все свои, и я не хуже вас знаю Алявдина. Но он – штурман, и, пока он на судне, никто не вправе мешать ему принять участие в работе коллектива. Когда он будет пакостить,

мы скрутим его или вышвырнем вон! Сейчас он хочет помочь нам, и оттолкнуть его – значит навредить себе.

– Неладно, ребята, – заметил Котельников хмуро, – опять мы начинаем замыкаться, создаем какую-то группу благонаправных. Мы же говорили об этом, Володя, ты сам говорил, что мы мало работаем с людьми. Зачем повторять ошибки...

– Уж очень он мне не по душе! Чужой какой-то...

– А по-моему – или гнать его с танкера, или привлечь и использовать. Чужих быть не должно. Так всегда бывает, – продолжал Басов мягче, – вы работаете одни – вам мешают, посмеиваются и всячески доказывают, что вы затеяли вздор. Если вы на правильном пути и настойчиво добиваетесь цели, с вами соглашаются постепенно и хотят помочь. Половина дела – привлечь людей на свою сторону. Главная половина, пожалуй... Да вы поговорите с помполитом. Я ведь плохо говорю, какой я пропагандист! – оборвал он себя с улыбкой.

– Ладно, о чем разговор, – проворчал Гусейн скрепя сердце. – Если поможет, спасибо скажем. Так, что ли, Володька?

– Правильно...

Перед последней вахтой Басов поднялся на штурманский мостик, чтобы рассмотреть трассу по карте.

Море было спокойно. Широкие гладкие валы несли на своих гребнях расплывчатые отражения звезд. Перила мостика были теплые, чуть влажные от росы и слегка дрожали. Если бы не эта слабая внутренняя дрожь судна, казалось бы, что оно стоит неподвижно, а море течет, как река, в ту сторону, куда дует ветер и катятся волны.

Басов напевал вполголоса и смотрел вниз. На спардеке возле шлюпки белело женское платье. До него долетел смех и притворно-сердитый голос:

– Не бал-у-й...

«С кем это она?» – подумал Басов, вспоминая смеющееся розовое лицо горничной Веры, ее маленький носик и светлые брови на детском фарфоровом лбу. Весной из-за нее ссорились матросы, о ней ходили сплетни среди команды, пока помполит Бредис не пристыдил ребят на собрании. Она была одинаково приветлива со

всеми, но ни с кем не останавливалась подолгу на палубе.

«Вот и Вера нашла кого-то, — подумал Басов о внезапной боли, — вероятно, полюбила крепко. Что ж, это понятно. Ведь даже уроды — и только я... — он оборвал свою мысль. — Ну и хорошо, что вокруг темная ночь, и они стоят там обнявшись, и их никто не видит. И у меня это было, но, как видно, было ненастоящее, потому что все кончилось так просто, словно оборвалось. И о чем жалеть?»

Он подошел к рубке и старался занять свои мысли новой трассой, предложением Алявдина, но с отчетливостью бреда увидел он Мусины голые руки, даже ощутил их тяжесть на своих плечах, и, как вспышка света, проступило из темноты ее лицо.

«Кажется, я всегда любила тебя, командир...»

Он посмотрел вверх, на черное небо, усыпанное блестящим звездным песком, и скрипнул зубами. Надо было приняться за что-то немедленно. Он прошел по мостику и обогнул рубку. Возле запасного компаса, нагнувшись над циферблатом, стоял матрос Карпушин. Он записывал и был так поглощен этим, что не расслышал шагов.

— Компас изучаете? — спросил Басов, придавая голосу то общительное выражение, которое, он знал, всегда располагало людей к серьезному разговору. — Я сам давно собираюсь заняться навигацией, да все не выберу время... Дело серьезное...

Карпушин вздрогнул и обернулся, растерянно улыбаясь, но, узнав Басова, тотчас успокоился.

— Нет, не изучаю, а слежу за курсом, — сказал он таинственной скороговоркой, — только тише, пожалуйста. Не надо, чтобы он слышал.

— Кто?

— Вахтенный рулевой.

— Вы следите за курсом?

— Сейчас я вам объясню, — заторопился матрос, — запишу только... Готово. Вот видите, сейчас судно рискнуло на три градуса. Это он закуривал — рулевой.

Я уже исписал четыре страницы. Здесь есть и большие отклонения — в пять градусов и больше. Если проложить на карте путь судна, получится извилистая линия.

Я уже второй день слежу за курсом...

— Эти отклонения здорово уменьшают скорость? — спросил Басов заинтересованно.

— Тише, он услышит... Еще бы не уменьшают! Вы увеличили мощность двигателей, но это все без толку, пока рулевые работают грязно. Я заметил это на своей вахте, когда стоял за рулем. А потом на политзанятиях говорили об Алексее Стаханове и о скрытых возможностях. По-моему, прямой курс, без отклонений — это и есть скрытая возможность. Сегодня я отстоял вахту за рулем и добился самых малых отклонений — на полградуса, не больше. Теперь я записываю работу других рулевых и покажу им завтра, как они ведут судно. Стыд какой!

— У вас в порядке ваши записи? — спросил Басов быстро.

— В полном порядке. Я даже записывал время, когда наблюдались отклонения.

— Тогда мы составим график их работы и соберем команду для обсуждения. Это большая скрытая возможность, вы правы.

— Верно? — обрадовался матрос. — Мы их подтянем, Александр Иванович! — Он покосился на компас и развернул записную книжку: — Вот опять рискнуло.

На два с половиной... Смотрите сами!

— Вижу, — усмехнулся Басов, — я только мешаю вам своими расспросами. Пойду я.

Этот короткий разговор как бы проветрил его сознание и вернул ему то устойчивое равновесие, из которого он был выведен зрелищем чужого счастья.

«Вот и еще одно открытие, — с радостным удивлением думал он о разговоре с матросом, — и такое простое, понятное каждому, кто знает, что прямая линия короче кривой. Об отклонениях от курса знали штурманы, и капитаны, и мотористы. И открытие это делает рулевой у штурвала».